

Источники и литература:

1. В Германии критикуют призыв Путина участвовать в восстановлении Сирии [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/в-германии-критикуют-призыв-путина-участвовать-в-восстановлении-сирии/a-45140911>. – Дата доступа: 10.02.2022.
2. В зоне поражения: какое оружие применяет российская армия в борьбе с террористами в Сирии [Электронный ресурс] // RT на русском. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/434938-rossiya-siriya-oruzhie>. – Дата доступа: 12.02.2022.
3. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум КОДЕКС». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420354345>. – Дата доступа: 13.02.2022.
4. Иванов, С.М. Перспективы мирного урегулирования конфликтов в Сирии и Ираке / С.М. Иванов // Зарубежное военное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 30–31.
5. Международная правовая база [Электронный ресурс] // Контртеррористическое управление ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/international-legal-instruments>. – Дата доступа: 15.02.2022.
6. Министерство иностранных дел России: Совместное заявление министров иностранных дел Исламской Республики Иран, Российской Федерации, Турецкой Республики по согласованным мерам, направленным на оживление политического процесса с целью прекращения сирийского конфликта, Москва, 20 декабря 2016 года [Электронный ресурс] // Сеть Réseau Voltaire International. – Режим доступа: <https://www.voltairenet.org/article194670.html>. – Дата доступа: 15.02.2022.
7. Пентагон предупредил Россию, что будет защищать своих военных в Сирии [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/723544>. – Дата доступа: 11.02.2022.
8. Пентагон предупредил Россию, что будет защищать своих военных в Сирии [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/723544>. – Дата доступа: 14.02.2022.
9. Россия и Турция: подходы к региональной безопасности на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-turtsiya-podkhody-k-regionalnoy-bezopasnosti-na-blizhnem-vostoke/>. – Дата доступа: 10.02.2022.
10. Саммит Россия – Турция – Иран по Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190916/1558643567.html>. – Дата доступа: 15.02.2022.
11. Шумилин, А.И. Россия и проблема Сирии [Электронный ресурс] / А.И. Шумилин // РСМД. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-problema-sirii/>. – Дата доступа: 13.02.2022.

МОДЕЛИ НЕОИМПЕРСКИХ ПРАКТИК В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В XXI ВЕКЕ¹

И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина (Нижний Новгород)

В современных международно-политических отношениях феномен «империя» уже не вызывает позитивных ассоциаций, а заявления о своих имперских амбициях на мировой арене не что иное, как «моветон». Однако, на практике, все чаще можно встретить модель мировой политики, которая укладывается в, так называемую, неоимперскую концепцию, согласно которой «центр» или лидирующее государство имеет главенство или осуществляет неформальный контроль над другими государствами, опираясь на общую идеологию, а также тесное сотрудничество в различных отраслях.

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-014-00039А «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

После распада Османской империи исламский мир утратил свое универсальное политико-религиозное единство. На фоне обостряющегося противостояния традиционализма и модернизационных тенденций в мусульманских обществах, государства Ближнего Востока вступают в противостояние за политическое преобладание в регионе и мусульманском мире [8, с. 178]. Следует отметить, что в конце XX в. на Ближнем Востоке существовало большое количество государств, претендующих на роль политического лидера, таких как Египет, Иран, Турция, Сирия, Ирак, КСА. Однако совокупность различных факторов, среди которых и события арабской весны, охватившие регион в 2011 году, появление ИГИЛ, американское вторжение в Ирак, ставшая очевидным неустойчивость диктатур, правивших в ряде арабских государств и неспособная создать эффективную экономику и армию, многочисленные этнические, религиозные и племенные конфликты, и как следствие исчезновение Ливии, Йемена, Сирии и Ирака в первоначальном виде, все это существенно сократило список государств, способных стать лидерами ближневосточного региона.

Таким образом, в настоящее время, когда весь Ближний Восток оказался в зоне турбулентности и неопределенности, на роль лидера в ближневосточном регионе по-прежнему претендовали Турция, Иран и Саудовская Аравия.

Основное сражение за роль регионального лидера развернулось между двумя ближневосточными державами, а именно Ираном и Саудовской Аравией, проходя не только в политической плоскости, но и под религиозными символами суннизма и шиизма.

Иран по праву считается главным оплотом шиизма в мире, где шиизм – это конституционно закрепленная идеология и до 90% граждан исповедуют шиитское направление ислама. В связи с чем, претендуя на роль регионального лидера, Иран опирается на шиитские государства на Ближнем Востоке. Благодаря активной политике Ирана в регионе даже появился термин «шиитский полумесяц», который впервые употребил иорданский король Абдалла в 2004 году.

Иран активно спонсирует различные шиитские партии, добровольческие ополчения и объединения шиитов по всему Ближнему Востоку. Первым и одним из самых известных формирований такого рода стала ливанская «Хезболла», которая ведет достаточно успешную деятельность как против Израиля, так и, например, в гражданской войне в Сирии на стороне Асада.

Под частичным контролем Ирана находятся Силы народной мобилизации, сражающиеся против ИГ в Ираке. Более того, ключевая роль в создании в Ираке фронта шиитского сопротивления принадлежит одному из самых талантливых специалистов КСИР – генералу Кассему Сулеймани. Кроме того, Иран финансирует и вооружает шиитских повстанцев хуситов в Йемене, которые контролируют примерно треть территории этой страны.

Следует отдать должное шиитским группировкам, которые даже при небольшой численности сыграли одну из ключевых ролей в битвах за Тикрит, Фаллуджу, Рамади, Багдад и т.д. Можно даже говорить о создании своего рода «шиитского интернационала», который включает в себя

ливанскую «Хезболлу», иракские «Бригада Имама Али», армия «Махди», афганскую «Дивизия Фатимы», пакистанскую «Дивизия Зейнаб» и многие другие. И в действительности, необходимо констатировать тот факт, что «шиитский интернационал» стал новой военной силой, новой реальностью ближневосточного региона, за которым стоит ИРИ.

Саудовская Аравия с давних времен претендует на лидерство в ближневосточном регионе, а также стремится занять место стержневого государства в исламском мире. КСА тратит огромные финансы на поддержание ислама и укрепление салафизма в других странах (строительство мечетей, передача книг и др.) и продвижение своих политических интересов посредством усиления своего религиозного влияния. По мнению Сэмюэля Хантингтона, у Саудовской Аравии были все шансы стать стержневым государством исламского мира, в силу нахождения на ее территории двух святынь Мекки и Медины, а также наличие языка ислама, на котором написан Коран, в качестве государственного [7, с. 176]. Кроме того, Саудовская Аравия обладает крупной экономической мощью, так как на ее территории расположены внушительные запасы энергоресурсов (нефти и газа). КСА стремится к созданию в формирующемся многополярном мире сильного исламского полюса, способного защищать интересы мусульманских стран. Вторым фактором, влияющим на геополитические амбиции Саудовской Аравии, является ее главенствующая роль в организации ССАГЗ. КСА, являющаяся инициатором создания данной организации, по всей видимости, преследовало в первую очередь задачу обеспечения собственной безопасности, напрямую зависящей от «спокойствия» вблизи своих границ и, соответственно, во всем регионе Персидского залива.

Саудовская Аравия крайне обеспокоена усилением Ирана и всячески противостоит усилению шиитского полумесяца. Так, например, в марте 2011 года, когда официальные власти Бахрейна уже не смогли справиться с массовыми акциями протеста, по просьбе короля в Бахрейн были введены 1000 военнослужащих Саудовской Аравии и 500 полицейских из ОАЭ. Комментируя эти события, германская газета Die Welt заявила, что: «Саудовский король защищает свою власть в соседнем Бахрейне. Именно этого и стараются не допустить саудовцы, которые предпочли оккупировать Бахрейн, чтобы предотвратить реформы, требуемые шиитскими мятежниками. Ведь эти реформы неизбежно повлияли бы и на шиитское меньшинство в Саудовской Аравии» [4]. В то же время положение в Бахрейне было оценено саудовским правящим классом как итог действий Ирана, вызвавших к жизни межконфессиональные трения и религиозный экстремизм. Эта точка зрения была подтверждена всеми членами ССАГЗ и поддержана ЛАГ [1, с. 95].

Примером ожесточенного силового противостояния Ирана и Саудовской Аравии является Сирия. Г.И. Мирский, справедливо отмечал, что в Сирии идут сразу несколько войн, одна из которых региональная – между США, Саудовской Аравией и суннитскими государствами с одной стороны, и Ираном и ливанскими шиитами – с другой [2, с. 82].

Немаловажно, что в своем противостоянии Ирану КСА пользовалась активной поддержкой США. Так, во время каденции Д. Трампа Соединенными Штатами предпринимались попытки создания анти-иранского арабского НАТО, в состав которого могли войти Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Оман и Бахрейн. Как известно, Трамп объявил Иран врагом США и «страной, финансирующей международный терроризм».

Еще одним претендентом на роль регионального лидера является Турция. После прихода к власти в 2002 году Партии справедливости и развития Турции удалось достичь немалых успехов в укреплении статуса региональной державы. Турция смогла зарекомендовать себя как важного дипломатического актора в ближневосточном регионе, активно развивая двусторонние отношения с такими арабскими странами как Египет, Сирия, Иордания, Кувейт, Тунис, Ливия, Бахрейн и т. д. [3, с. 206].

Реализуемая Турцией внешнеполитическая концепция «ноль проблем с соседями» стала одним из ключевых принципов внешней политики Турции, в том числе и в регионе Ближнего Востока. Кроме данного принципа, внешняя политика Турции базировалась на балансе между свободой и безопасностью, на мерах превентивной мирной дипломатии, многовекторной внешней политике, а также на активном участии Турции в международных организациях [9]. Однако после начала арабских революций Турция решила скорректировать свою ближневосточную политику, усилив претензии на роль регионального лидера. По оценке российского тюрколога И.А. Свистуновой: «Турция, претендующая на роль регионального лидера, попыталась воспользоваться потрясениями в арабском мире для того, чтобы усилить свое влияние в регионе, распространяя турецкий опыт демократизации и либерализации. В соответствии с этим Анкара сделала ставку на поддержку протестных движений, характеризующихся как демократические» [5, с. 10]. Это указывает на то, что Турция может предложить арабскому миру свою модель совмещения исламских ценностей и западной модернизации.

Следует отметить, что Турция является самостоятельным игроком, который четко демонстрирует свои имперские амбиции, основанные на уникальном положении Турции, как связующего звена между Европой и Азией. При этом раздел Стратегии развития Турции до 2023 г., регламентирующий политику в сфере внешней политики, открыто содержит целевые установки по утверждению регионального лидерства Анкары.

Долгое время Турция и КСА выступали фактически союзниками, прежде всего в Сирии. Однако «Катарский кризис» существенно подорвал взаимоотношения КСА и Турции. В 2018-м отношения между Турцией и КСА стали еще напряженнее в связи с убийством журналиста **Джамала Хашогги**.

Взаимоотношения Турции и Ирана выглядят немного лучше. Несмотря на то, что Турция и Иран стали косвенными участниками конфликта в Сирии, оказывая поддержку противостоящим вооружённым группировкам, они сумели избежать кардинального охлаждения отношений [6, с. 137]. Росту взаимопонимания Турции и Ирана способствовали разногласия с Америкой

в отношении сирийских курдов и, в целом, недоверие Турции к политике США. Вашингтонские исследователи М. Тахироглу и Б. Бен Талебу полагают, что турецко-иранские отношения в чистом виде не подпадают под определения дружбы или вражды, и предлагают использовать для их характеристики термин «fremenies», что можно перевести как «друзья-враги» [10, с. 124].

Следует отметить, что геополитическое противостояние в ближневосточном регионе нельзя рассматривать в отрыве от внерегиональных игрок (России, США, ЕС, Китая), которые играют немаловажную роль в процессах, происходящих на Ближнем Востоке. Стремление ведущих государств региона к обладанию ядерным оружием, деятельность экстремистских исламских организаций («Аль-Каида», «Братья мусульмане», «Хезболла», «Хамас») и неурегулированность арабо-израильского конфликта выступают дополнительными факторами внимания мировых сил к ведущим государствам Ближнего Востока.

Таким образом, в результате дестабилизации ближневосточного региона и существенного ослабления многочисленных ближневосточных стран, в ближайшие годы Турция, Иран и КСА будут претендовать на статус основной региональной державы. Однако слабо видится, что конкуренция в рамках этого треугольника выльется с серьезное силовое противостояние, т.к. государственные деятели, осуществляя свои внешнеполитические инициативы также не заинтересованы в появлении новых очагов напряженности в регионе и на своих границах.

Источники и литература:

1. Косач, Г.Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» / Г.Г. Косач // Свободная мысль. – 2012. – № 5–6. – С. 91–101.
2. Мирский, Г.И. Драма Арабского Востока / Г.И. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 7. – С. 77–87.
3. Рыжов, И.В. Особенности взаимоотношений Турции с государствами исламского мира / И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина // Труды института востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 203–221.
4. Саудовский король защищает свою власть в соседнем Бахрейне [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/diewelt-B5/a-14918939?maca=rus-rss-ru-top-1051-rdf>. – Дата доступа: 18.01.2018.
5. Свистунова, И.А. Внешняя политика России и Турции в условиях «Арабской весны» / И.А. Свистунова // Влияние событий «Арабской весны» на регион в контексте внешней политики Турции / отв. ред. В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский. – М. : Русориент, Турецкий клуб МГИМО, 2012. – С. 10–12.
6. Свистунова, И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса / И.А. Свистунова // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 12(4). – С. 130–144.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2016. – 640 с.
8. Шишков, В.В. Перспективы образования неоимперских центров в арабомусульманском мире: политологический анализ / В.В. Шишков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 4. – С. 177–195.
9. Davutoğlu, A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy [Electronic resource] / A. Davutoğlu // Foreign Policy. – 20.05.2010. – Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy?page=full. – Date of access: 15.03.2019.
10. Tahiroğlu, M. 2015. Turkey and Iran: The Best of Frenemies / M. Tahiroğlu, B. Ben Taleblu // Turkish Policy Quarterly. – 2015. – № 1. – P. 123–134.